

ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПАДЕЖЕЙ И ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Калюга

Университет Маккуори, Сидней, Австралия

Представлен обзор факторов, влияющих на изменение в употреблении беспредложных падежей и предложно-падежных конструкций в русском языке, таких как: тенденция русской грамматики к аналитизму, трансформации в семантике управляющих слов и воздействие синтаксической модели слов с близким значением. В исследовании также рассматривается роль концептуальных метафор в таких изменениях.

Ключевые слова: *изменения, падежи, предлоги, аналитизм, концептуальная метафора, русский язык.*

Введение

На протяжении развития русского языка произошли и происходят фундаментальные изменения в использовании падежей и предлогов. В данной статье рассматриваются такие ключевые факторы, повлиявшие на процесс изменений в использовании падежей и предлогов, как возрастающий уровень аналитизма, изменение в значении слов, управляющих падежами и предлогами, влияние синтаксических особенностей слов со схожими значениями, а также изменения в концептуальных метафорах, лежащих в основе семантических сдвигов.

Материалом для исследования послужили тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), а также словари древнерусского и среднерусского языков.

1. Тенденции к аналитизму в русском языке

Тенденция к аналитизму в русском языке отмечалась многими исследователями. Например, на переход русского языка от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому, указывал еще Виноградов [6]. Данная точка зрения была подтверждена, в частности, такими исследователями, как Астен [2], Валгина [4], Дедковская [8], Непомнящих [14], Рябушкина [17], Чулкова [27]. Отмечается, что «аналитизм наращивает силу в определенных звеньях грамматической системы, а язык функционирует как гибкая динамичная система, двигаясь к аналитизму на одних участках и сохраняя синтетические свойства на других» [2. С. 256]. К проявлениям тенденции к аналитизму относят, в частности, сокращение общего числа падежей, а также вы-

теснение беспредложных падежей сочетаниями падежей с предлогами.

Много исследований посвящено процессу, связанному с сокращением числа падежей и характерному для русского языка второй половины XX в., такому как, например, экспансия именительного падежа [4; 7; 9; 16; 17]. Под экспансией именительного падежа понимается расширение сферы употребления именительного падежа и его функционирование на месте косвенных падежей (1 а—в):

1. а) *Ну уж я думаю / не больше пятьсот долларов* [Беседа с социологом на общественно-политические темы. Москва, 2003 (НКРЯ)];

б) *Дом нравится. Место красивое/удобное / центр. Опять-таки / магазины.* [Беседа в Новосибирске, 2003 (НКРЯ)];

в) *Автообъявления.* Продаю а/м ВАЗ-21099, декабрь 1998 года, двигатель 1500 л. с., июнь 1999 года... [Комсомольская правда, 2006.06.24 (НКРЯ)].

Исследователи отмечают, что экспансия именительного падежа характерна преимущественно для разговорной (устной) речи [17] или малоформатных текстов [14]. Причины процесса экспансии именительного падежа хорошо описаны в лингвистической литературе (см., напр.: [5]; [8]) и включают такие экстралингвистические факторы, как, например, неподготовленность разговорной речи [17] или маленький размер текста, в котором в упрощенной форме нужно передать необходимую информацию [14]. Например, в рекламных текстах «именительный падеж не только помогает значительно сократить размер текста, но и сократить финансовые затраты при оплате продолжительности рекламного объявления» [Там же].

Другим процессом в эволюции русского языка, который повлиял на употребление падежей и предлогов, было сокращение числа падежей, которые могут сочетаться с предлогом. Это явление также говорит об ослаблении роли падежей.

Например, согласно Словарю русского языка XI—XVII вв. (далее — СлРЯ XI—XVII), предлог *за* мог сочетаться с винительным (2а), творительным (2б) и родительным падежами (2в), а в современном русском языке — только с винительным (2г) и творительным (2д):

2. а) *Побѣгни за градъ* [19. С. 127];

б) *А дворъ ему данъ на принапрѣздъ въ слободъ же за прудомъ* [Там же. С. 128—129];

в) *За нашей памяти при нашемъ видѣнии выкинуло море чудо морское* [Там же. С. 130];

г) — *...То все там, — махнула она рукой куда-то на лес за озеро* [Воробьев К. Вот пришел великан. 1971 (НКРЯ)];

д) *Мы с Юшкой спрятались за шкафом у кабинета директора* [Сабитова Д. Где нет зимы. 2011 (НКРЯ)].

Одним из примеров тенденции к уменьшению роли падежей является и то, что в XIX в. предлоги *перед* и *над* стали редко сочетаться с винительным (3а, б), а в дальнейшем произошло полное исчезновение такого употребления этих предлогов:

3. а) *Он приказал вынести портрет перед палатку, с тем чтобы не лишить старую гвардию, стоявшую около его палатки, счастья видеть римского короля, сына и наследника их обожаемого государя* [Толстой Л. Н. Война и мир. 1867—1869 (НКРЯ)];

б) *И еще как надойдет над гору и станет на ней, а внизу река в половодье разлилась, шумит, и он стоит, матушка, и поет: расплескалась, разливалась, — просто, говорили люди, отца и мать бы забыл и всё слушал его!..* [Салтыков-Щедрин М. Е. Рецензии. 1863—1864 (НКРЯ)].

Более того, с XIX в. стало встречаться вариативное употребление творительного и винительного падежей с предлогами *за* и *под* — например, в случаях, когда они управляются глаголами со значением каузации положения в пространстве (4а—д):

4. а) *Во втором часу утра, когда я там был, употребляли последние средства: облепили его горчицей и шпанскими мухами, поставили за уши пиявки и обложили голову льдом* [Корф М. А. Из дневника. 1838—1839 (НКРЯ)];

б) *Мушку поставил за ухом* [Слепцов В. А. Трудное время. 1865 (НКРЯ)];

в) *Они обнялись и поцеловались, и Наталья Николаевна пошла досиживать ночь в свою спальню, а Ахилла, поставив под сарай своих коней, разостлал на крыльце войлок и лег на него навзничь и пролежал ночь, уставясь глазами в звездное небо* [Лесков Н. С. Божedomы. 1868 (НКРЯ)];

г) *Тройку рабочих пусть выведут пока из стойл и поставят под сараем, к решетке* [Лесков Н. С. Некуда. 1864 (НКРЯ)];

д) *Некомат с трудом поднял шкатулку со стола и поставил под лавку: «Извини, боярин, что прибраться не успел* [Полевой Н. А. Повесть о Симеоне суздальском князе. 1828 (НКРЯ)].

Глаголы стали играть более важную роль при разграничении статичных (5а, в) и динамичных ситуаций (5б, г), как в следующих примерах с *за* + творительный и *под* + творительный:

5. а) *Лизавета лежит за перегородкой, где повешена и зыбка с ребенком* [Писемский А. Ф. Горькая судьбина. 1859 (НКРЯ)];

б) *Третьяков лег за коньком крыши, потянул через голову автомат* [Бакланов Г. Я. Навеки девятнадцатилетние. 1979 (НКРЯ)];

в) *Спущенные шторы не пропускали яркого света, а вся терраса стояла под парусинным навесом* [Боборыкин П. Д. Василий Теркин. 1892 (НКРЯ)];

г) *Она встала под навесом остановки* [Садур Н. Девочка ночью. 1981 (НКРЯ)].

Кроме того, как писал Булаховский [3. С. 310], сочетание *сквозь* с родительным уступило место управлению только с винительным (6а, в), хотя управление с родительным еще встречалось в XIX в. (6б, г):

6. а) *Чуть солнце сквозь туман глядит, Не грея бледными лучами* [Никитин И. С. Кулак. 1854—1857 (НКРЯ)];

б) *Но не прозреть нам к солнцу сквозь тумана...* [Голенищев-Кутузов А. А. «Так жить нельзя! В разумности притворной...». 1884.12.07 (НКРЯ)];

в) *Бесспорно, она утратила чиновный мир, но сквозь страх слышалось недоумение в виде вопроса: неужели же нельзя будет больше красть?* [Мещерский В. П. Мои воспоминания. 1897 (НКРЯ)];

г) *...Тайная радость меж тем сквозь страха вкралась в душу...* [Катенин П. А. Идиллия. 1831 (НКРЯ)].

В качестве примера проявления тенденции к анализируемому в русском языке исследователи час-

то приводят процесс вытеснения беспредложных конструкций конструкциями с предлогом. Этот процесс объясняется общей тенденцией языка дифференцировать значения [29. С. 9]. Предлоги используются для преодоления многозначности падежей [2; 3; 10; 25; 28]. Например, в древнерусском языке произошло постепенное ослабление и утрата пространственных значений беспредложных конструкций (7 а—в):

7. а) *Прѣстависа мѣстиславъ кыѣвѣ* [Новгородская 1-я летопись. Синодальный список (НКРЯ)];

б) *Игорь же дошедь Дуная созва дружину и (на)ча думати* [Повесть временных лет (НКРЯ)];

в) *И боларе несоша [и] Киеву и положень бы(с) в стѣги Соовы оу вѣа своѣго* [Суздальская летопись (НКРЯ)].

Один из падежей, местный падеж, даже перестал употребляться без предлогов.

2. Влияние изменений в семантике управляющих слов

Другим распространенным фактором, который влияет на использование падежей и предложно-падежных конструкций, является изменение значений слов, управляющих этими падежами и предложно-падежными конструкциями. Например, Ферм отмечал сужение полисемии слова *веселиться*. Глагол *веселиться* утратил значение «радоваться», что повлияло на его способность управлять творительным падежом для обозначения стимула этого эмоционального состояния [26. С. 312—313]. В XVIII в. *веселиться* еще сочетался с творительным падежом (8 а, б):

8. а) *Однако, и они веселились ею не долго, налетѣла вдругъ страшная туча съ превеликою бурей и вихремъ, полился проливной дождь и разогналъ весь чорный народъ.* [Болотов А. Т. Съездъ дворянъ на ярмарку. 1789—1816 (НКРЯ)];

б) *Я радовался и веселился необозримостию пенистых волн, свистом бури и дерзостию человеческою* [Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. 1793 (НКРЯ)].

Также в XIX в. глагол *бежать* утратил значение «уклоняться, избегать» (9) и, следовательно, потерял способность сочетаться с родительным беспредложным.

9. *Я бежал толпы, презирал ее...* [Гончаров И. А. Обыкновенная история. 1847 (НКРЯ)].

3. Влияние синтаксической модели слов с близким значением

Другим распространенным фактором, влияющим на употребление предложно-падежных конструкций, является синтаксическая модель синонимов и слов с близким значением. Каждый нормативный язык пытается использовать свои синтаксические средства последовательно и единообразно [1. С. 545], и, следовательно, слова со сходным значением употребляются в сходных синтаксических конструкциях. Например, когда в XVIII—XIX вв. у глагола *докучать* появилось значение «настойчиво просить, приставать с просьбами, расспросами», он начал сочетаться с предлогом *о* и предложным падежом (10а) или, реже, с предлогом *про* и винительным (10б), так же как и другие глаголы со сходным значением, такие как *просить* или *спросить*:

10. а) *Атаманы и козаки беспрестанно нам бьют челом и докучают о денежном жалованье, о своих и конских кормах, а нам их пожаловать нечем и кормов давать нечего* [Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 1859 (НКРЯ)];

б) *Сталь ему докучать про невьѣсту, фаворить доложилъ государю...* [Мельников-Печерский П. И. Старые годы. 1857 (НКРЯ)].

4. Изменения в концептуальных метафорах

Многие исследователи (напр.: [7. С. 240—262; 12. С. 270]) отмечают ослабление или даже полное исчезновение отдельных значений падежей или предложно-падежных конструкций. Проблемам изменения значений падежей и предлогов большое внимание уделяется в когнитивной лингвистике. Широко распространенным положением когнитивной лингвистики является то, что изменения значений падежей и предложно-падежных конструкций не случайны и часто появляются в результате метафорических переносов. В представлении современной когнитивной лингвистики, метафора — это одна из основных ментальных операций. Концептуальная метафора включает в себя два домена, один из которых, более «абстрактный» (целевой домен), понимается и передается с помощью другого, более «конкретного» (исходного домена) [30]. Например, во многих индоевропейских языках встречается метафора «инструмент — спутник» [31. Р. 148; 32], объясняющая совмещение значений инструмента и комитатива. Как видно из примеров из СлРЯ XI—XVII, такая

полисемия была характерна для творительного падежа с предлогом *с* (11 а, б):

11. а) *Никътоже бо не может знамении сихъ творити... аще не будетъ Бъ с нимъ* [24. С. 8];

б) *Аще кто съ с тремя первыми персты не воображаетъ крестнага знамениа... да будетъ проклять* [Там же. С. 9].

Некоторые концептуальные метафоры со временем исчезают или становятся непродуктивными. Например, метафора «инструмент — спутник» встречается только в очень немногих выражениях в современном русском языке. Примерами таких выражений являются *переводить со словарем* (12а), *прыгать с парашютом* (12б), *ходить с палкой* (12в):

12. а) *Согласно заполненной им анкете, немецким, английским и датским языками он владел свободно, а по-древнеегипетски читал и переводил со словарем* [Горелик Г. Андрей Сахаров. 2004 (НКРЯ)];

б) *А он в своей жизни не только не прыгал с парашютом, но и ни разу не летал на самолете* [Быков В. Болото. 2001 (НКРЯ)];

в) *Как же он поднимался по этой лестнице, вроде что-то было у него с ногой, во всяком случае ходил с палкой, а может, и не поднимался, потому как никогда не спускался, сидел себе...* [Светов Ф. Мое открытие музея. 2001 (НКРЯ)].

В современном русском языке гораздо более распространена модель семантического переноса, основанная на метафоре «инструмент» или «средство — путь». Например, предложно-падежные конструкции *по* + дательный и *через* + винительный, а также беспредложный творительный, обозначают «путь», то есть пространство между исходной и конечной точкой движения (13 а—в), а также инструмент или средство (13 г—е):

13. а) *Но вот из-за угла, где висит платье, вырастает длинная, тонкая фигура; она подымается по стене, ползет по потолку, спускается вниз, над подсудимым, и смотрит на него в упор* [Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. 1925—1928 (НКРЯ)];

б) *Если напрямик через овраг, те же полчаса — и я выйду на зады нашей улицы* [Сабитова Д. Где нет зимы. 2011 (НКРЯ)];

в) *Обходили их стороной, шарахались от звуков гитары и огородами вышли к парикмахерской* [Башкуев Г. Маленькая война. 2013 (НКРЯ)];

г) *А мне оставалось составлять и передавать по телефону в район очередные сводки...* [Овчинников В. В. Калейдоскоп жизни. 2003 (НКРЯ)];

д) *Изучая знак через лупу, я обнаружил следы золочения на гербе; на выступающих частях знака это золочение было стерто* [Толмачёв Р. Золотые гербы врачей-отличников. 2008 (НКРЯ)];

е) *Потом несколько раз повторял своим голоском: «Бутылка, Тарелка, Фокус», — разбивал тарелку молотком, кланялся и уходил* [Кио И. Э. Иллюзии без иллюзий. 1995—1999 (НКРЯ)].

Процесс утраты значений, основанных на устаревшей концептуальной метафоре, можно также проиллюстрировать на примере предложно-падежной конструкции *над* с творительным падежом. На основе метафоры «больше — выше» [32] эта предложно-падежная конструкция развила значение «больше, более», как это видно из примера, приведенного в словаре русского языка XI—XVII вв. (14):

14. *Възлюби ж<е> Ровоамъ Мааху дщерь Абсолоню надъ всѣми женами своими и наложницами* [21. С. 60].

Метафору «больше — выше» можно обнаружить и в полисемии конструкции *сверх* + родительный, которая имела значение «выше» (15а) и «больше» (15б):

15. а) *А отводъ землю отъ Белоозера за Лымбуемъ за рѣчкою, по первой вражекѣ отъ слободы межа, да сверхъ врашка, через мохъ на Паломбой рѣчку* [24. С. 117];

б) *А будетъ Печенского монастыря строитель съ братьею... учнуть въ которые города привозить соль и торговать сверхъ тысячи рублей, и съ того... пошлину по нашему великого государя указу* [Там же].

Примерами конкурирующих концептуальных метафор, одна из которых вытеснила другую, являются и метафоры «причина — путь» и «причина — источник». Полисемия, основанная на метафоре «причина — путь», характерна для предложно-падежных конструкций *по* + дательный, *через* + винительный и беспредложный творительный, которые могут обозначать «путь» (13 а—в), а также имели причинное значение (16 а—в):

16. а) *Аще достоинъ чл(о)вку пустили жену свою по всякой винѣ* [21. С. 116];

б) *В некотором смысле это случилось через меня* [Набоков В. В. Камера обскура. 1933 (НКРЯ)];

в) *Медлительность моего отвѣта происходит отъ того, что послѣднее письмо,*

которое удостоился я получить от Вашего Превосходительства, ошибкою было адресовано во Псковъ [Пушкин А. С. Письмо А. Х. Бенкендорфу. 1827.03.22 (НКРЯ)].

В XVIII в. произошло постепенное ослабление, а потом полное исчезновение творительного падежа в причинном значении [12], а употребление *через* + винительный в этом значении существенно сократилось. В современном русском языке из этих трех языковых единиц, только по + дательный по-прежнему может быть маркером причины (17):

17. Портфель с конспектами и книгами будто по рассеянности забыт в шкафу, закуска — краюшка хлеба и огурец — в кармане [Азольский А. Облдрамтеатр. 1997 (НКРЯ)].

На метафоре «причина — источник» основана полисемия предложно-падежных конструкций *из* + родительный, *из-за* + родительный, *от* + родительный и *с* + родительный, которые обозначают «источник», то есть исходный пункт движения (18 а—г), и причину (18 д—з):

18. а) Он достал из шкафа бутылку кубинского рома. Финки с удовольствием выпили. Рымарь снова налил [Довлатов С. Чемодан. 1986 (НКРЯ)];

б) Элоиза вытащила раскладушку из-за шкафа [Ломов В. Музей «Октябрь». 2002 (НКРЯ)];

в) ...Она наконец-то отошла от шкафа и смело посмотрела на Андрея [Азольский А. Лопушок. 1998 (НКРЯ)];

г) Прыгали со шкафа, терлись об ноги, мяукали у плиты [Андропова А. А. Вариант нормы. 2008 (НКРЯ)];

д) Ты говоришь это только из ненависти к нему! [Романов С. Парламент. 2000 (НКРЯ)];

е) Может быть, из-за усталости так испортилось настроение? [Трифонов Ю. В. Конец сезона. 1960—1965 (НКРЯ)];

ж) Пыльные серо-зеленые листья, скрученные от жары полутрубочками, словно просили пить [Грекова И. На испытаниях. 1967 (НКРЯ)];

з) Какая-то старушка рядом шла, так она чуть не упала со страха [Голявкин В. В. Рисунки на асфальте. 1965 (НКРЯ)].

С начала XIX в. расширилось использование языковых единиц, причинное значение которых развилось на основании метафоры «причина — источник». Они вытеснили языковые единицы, причинное значение которых основано на метафоре «причина — путь», такие как *через* + винительный и беспредложный творительный.

Существуют также различные конкурирующие концептуальные метафоры уступительных отношений. Одним из предлогов уступки является *вопреки*, употребляющийся с дательным падежом, который «предполагает, что имеет место ситуация А, но она противоречит Б, совершается вопреки ей: *Смоленск оставляется (А) вопреки воле государя и всего народа (Б)* (Л. Н. Толстой)» [13].

Согласно СлРЯ XI—XVII, одним из значений *вопреки* + дательный было «поперек» (19):

19. Ять впрѣкы стегна ег<о> и утрати жилы ег<о> [23. С. 244].

Направление «поперек» может также выражаться предложно-падежными конструкциями *через* + винительный (20а) и *поперек* + родительный (20 б):

20. а) *Переезжал он через реку на сооружении, напоминающем деревянное корыто, покрытое тѣсом, посреди которого торчала тонкая палочка, и на ней горела тусклая лампочка* [В. Астафьев. Затеси. 1999 (НКРЯ)];

б) *Богоборцы же начышия стреляти изо многих пушек... поперек троицакого воинства и в тыл* [22. С. 81].

На основании метафоры «вопреки — поперек» эти конструкции развили значение уступки (21 а—в):

21. а) *И въ томъ, государь, слове крестный образъ исповѣдаетъ впреки христианскому закону* [18. С. 26];

б) *А кто черезъ сю нашу царскую жаловальную грамоту богомолца нашего Антонія архіепископа и его приказныхъ людей и дѣтей боярскихъ и всякихъ его домовыхъ людей или крестьянъ чѣмъ избидить, и тому отъ насъ великого государя царя и великого князя Михаила Фёдоровича всеа Руси быти въ опаль* [Тарханная грамота царя Михаила Фёдоровича и патриарха Филарета рязанскому и муромскому архиепископу Антонию. 1623 (НКРЯ)];

в) Да будет ему отпишутъ или поперекъ прямая вести учинятца, что воры изъ Костромскаго уѣзда пришли [22. С. 81].

Через + винительный и *поперек* + родительный постепенно перестали употребляться как уступительные предложно-падежные конструкции, а конструкция *вопреки* + дательный утратила значение «поперек».

Кроме «поперек» доменом-источником «вопреки» является другой пространственный домен —

«выше». Метафора «вопреки — выше» прослеживается в полисемии предложно-падежных конструкций *над* + винительный и *сверх* + родительный, которые имели значения «выше» (22а) и «вопреки» (22б):

22. а) *А ихъ милость нѣмцы... въ начале еще дня того [страстной пятницы] ужравшися и упившися, надъ надежду встѣх, изъ великихъ дѣлъ стреляти на мѣсто руское начали* [20. С. 59];

б) *Будеть они [крестьяне] сверхъ сего нашего указу гзы строить и рыбу ловить на тѣхъ гзехъ учнутъ, и имъ быть въ жестокомъ наказаньѣ* [24. С. 117].

Заключение

Изменения в употреблении падежей и предлогов — сложный процесс, в котором взаимодействуют различные факторы. При анализе факторов, которые влияют на изменения в использовании падежей и предлогов, помимо таких явлений, как возрастающий уровень аналитизма, изменение в значении слов, управляющих падежами и предлогами, и влияние синтаксических особенностей слов со схожими значениями, важно также учитывать изменения в концептуальных метафорах. Концептуальные метафоры могут стать непродуктивными или даже постепенно исчезнуть из языка, что приводит к изменению использования падежей и предлогов.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография, 2 / Ю. Д. Апресян. — М., 1995. — 767 с.
2. Астен, Т. Б. Аналитизм в системе морфологии имени: когнитивный и прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук / Т. Б. Астен. — Ростов н/Д, 2003. — 301 с.
3. Булаховский, Л. Курс русского литературного языка, 2 / Л. Булаховский. — Киев, 1953. — 436 с.
4. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Н. С. Валгина. — М. : Логос, 2001. — 304 с. — URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/about.htm> (дата обращения 06.12.2019).
5. Валентинова, О. Типологическая динамика языка как результат изменения ментальности его носителей / О. Валентинова, М. Рыбаков // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) : коллектив. моногр. ИРЯ РАН. — М., 1995. — С. 58—70.
6. Виноградов, В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. Виноградов ; под ред. Г. А. Золотовой. — М., 2001. — 719 с.
7. Гловинская, М. Я. Активные процессы в грамматике / М. Я. Гловинская // Русский язык конца XX столетия / под ред. Е. А. Земской. — М., 1996. — С. 237—304.
8. Дедковская, Д. М. К вопросу о проявлениях аналитизма в современном русском языке / Д. М. Дедковская // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2011. — № 7 (54). — С. 201—206.
9. Ильина, Н. Е. Рост аналитизма в морфологии / Н. Е. Ильина // Русский язык конца XX столетия. — М., 2000. — С. 326—344.
10. Ломтев, Т. П. Из истории синтаксиса русского языка / Т. П. Ломтев. — М., 1954. — 80 с.
11. Мельников, Г. П. Системная типология языков / Г. П. Мельников. — М., 2003. — 395 с.
12. Михайлов, Н. Творительный падеж в русском языке XVIII в. PhD dissertation Acta Universitatis Upsaliensis / Н. Михайлов. — Studia Slavica Upsaliensia 47, 2012. — 296 с.
13. Мусатова, Г. А. Семантика уступки : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Мусатова. — М., 2008. — 21 с.
14. Непомнящих, Е. А. Синтаксические конструкции малоформатных текстов в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Непомнящих. — М., 2013. — 24 с.
15. НКРЯ = Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 06.12.2019).
16. Рощина, Ю. В. Проявления тенденции к аналитизму в современной русской морфологии (на материале предметных и признаковых слов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Рощина. — М., 2005. — 333 с.
17. Рябушкина, С. В. Имя числительное и «экспансия номинатива» / С. В. Рябушкина // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». — 2011. — № 4. — С. 41—46.

18. Словарь русского языка XI—XVII вв. № 3 / гл. ред. С. Г. Бархударов. — М., 1976. — 291 с.
19. Словарь русского языка XI—XVII вв. № 5 / гл. ред. С. Г. Бархударов. — М., 1978. — 295 с.
20. Словарь русского языка XI—XVII вв. № 10 / гл. ред. С. Г. Бархударов. — М., 1983. — 331 с.
21. Словарь русского языка XI—XVII вв. № 15 / гл. ред. С. Г. Бархударов. — М., 1989. — 290 с.
22. Словарь русского языка XI—XVII вв. № 17 / гл. ред. С. Г. Бархударов. — М., 1991. — 298 с.
23. Словарь русского языка XI—XVII вв. № 18 / гл. ред. С. Г. Бархударов. — М., 1992. — 290 с.
24. Словарь русского языка XI—XVII вв. № 23 / гл. ред. С. Г. Бархударов. — М., 1996. — 258 с.
25. Стеценко, А. Н. Исторический синтаксис русского языка / А. Н. Стеценко. — М., 1977. — 352 с.
26. Ферм, Л. Вариативное беспредложное глагольное управление в русском языке XVIII в. / Л. Ферм. — Huddinge : Södertörn, 2005. — 371 с.
27. Чулкова, И. В. Сопоставительный анализ процессов анализации в современном русском и немецком языках (на материале смешения падежных форм) / И. В. Чулкова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 2011. — № 3. — С. 176—185.
28. Шведова, И. В. Функционирование дательного падежа в немецком и русском языках) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Шведова. — М., 2011. — 175 с.
29. Brandner, A. Исторические аспекты семантики дательного падежа [Электронный ресурс] / A. Brandner // Przegląd Ruscystyczny. — 2006. — № 115 — P. 9—18. — URL: <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=556874> (дата обращения 06.12.2019).
30. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago, London : The University of Chicago Press, 1980.
31. Luraghi, S. On the Meaning of Prepositions and Cases / S. Luraghi. — Amsterdam & Philadelphia : J Benjamins, 2003.
32. MML = Master Metaphor List [Электронный ресурс]. — URL: <http://araw.mede.uic.edu/~alansz/metaphor/METAPHORLIST.pdf> (дата обращения 06.12.2019).

Сведения об авторе

Калюга Марика Ашотовна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка Университета Маккуори, Сидней, Австралия. marika.kalyuga@mq.edu.au

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 59—67.*

TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF CASES AND PREPOSITIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

M.A. Kalyuga

Macquarie University, Sydney, Australia. marika.kalyuga@mq.edu.au

The issue of changes in the use of cases and prepositional phrases in the Russian language has attracted considerable attention in recent years. In this article, the review of factors influencing such changes involved studying analytic tendencies in Russian, transformations in the semantics of words that govern cases and prepositions, as well as the impact of the syntactic patterns of synonyms and near synonyms. The article also examines the role of conceptual metaphors in semantic shifts and polysemy development of cases and prepositional phrases. According to the research in cognitive semantics, the formation of a new meaning of a case or a prepositional phrase is often based on a conceptual metaphor. The productivity or unproductivity of a conceptual metaphor in the language affects the development of new meanings, as well as the weakening or even disappearance of the existing meanings of cases and prepositional phrases.

Keywords: *changes, cases, prepositions, analyticism, conceptual metaphor, Russian.*

References

1. Apresjan Ju.D. *Izbrannye trudy. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija* [Selected papers. Integral description of the language and systemic lexicography], 2. Moscow, 1995. 767 p. (In Russ.).
2. Asten T.B. *Analitizm v sisteme morfologii imeni: kognitivnyj i pragmatičeskij aspekty* [Analyticism in morphological system of words: cognitive and pragmatic aspects]. Rostov-on-Don, 2003. 301 p. (In Russ.).
3. Bulakhovskij L. *Kurs russkogo literaturnogo jazyka* [The course of the Russian literary language], 2. Kiev, 1953. 436 p. (In Russ.).
4. Valgina N.S. *Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke* [Active processes in modern Russian]. Moscow, Logos, 2001. 304 p. Available at: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/about.htm>, accessed 06.12.2019. (In Russ.).
5. Valentinova O., Rybakov M. Tipologičeskaja dinamika jazyka kak rezul'tat izmenenija mental'nosti ego nositelej [Typological dynamics of the language as a result of a change in the mentality of its speakers]. *Russkij jazyk konca XX stoletija (1985-1995)* [Russian language of the late twentieth century (1985-1995)]. Moscow, 1995. Pp. 58-70. (In Russ.).
6. Vinogradov V., Zolotova G.A. (ed.). *Russkij jazyk* [The Russian language]. Moscow, 2001. 719 p. (In Russ.).
7. Glovinskaja M.Ja., Zemskaja E.A. (ed.). *Aktivnye processy v grammatike* [Active processes in grammar]. *Russkij jazyk konca XX stoletija* [The Russian language of the end of the XX century]. Moscow, 1996. Pp. 237-304. (In Russ.).
8. Dedkovskaja D.M. K voprosu o projavlenijakh analitizma v sovremennom russkom jazyke [On the manifestations of analyticism in modern Russian]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Technical University], 2011, no. 7 (54), pp. 201-206. (In Russ.).
9. Il'ina N.E. Rost analitizma v morfologii [The growth of analyticism in morphology]. *Russkij jazyk konca XX stoletija* [The Russian language of the late twentieth century]. Moscow, 2000. Pp. 326-344. (In Russ.).
10. Lomtev T.P. *Iz istorii sintaksisa russkogo jazyka* [From the history of the syntax of the Russian language]. Moscow, 1954. 80 p. (In Russ.).
11. Melnikov G.P. *Sistemnaja tipologija jazykov* [System typology of languages]. Moscow, 2003. 395 p. (In Russ.).
12. Mikhailov N. *Tvoritel'nyj padezh v russkom jazyke XVIII v. PhD dissertation Acta Universitatis Upsaliensis* [The instrumental case in the Russian language of the XVIII century. PhD dissertation Acta Universitatis Upsaliensis]. *Studia Slavica Upsaliensia* 47, 2012. 296 p. (In Russ.).
13. Musatova G.A. *Semantika ustupki* [Semantics of concession. Abstract of thesis]. Moscow, 2008. 21 p. (In Russ.).
14. Nepomnyashchikh E.A. *Sintaksicheskie konstrukcii maloformatnyh tekstov v sovremennom russkom jazyke* [Syntactic constructions of small-format texts in modern Russian. Abstract of thesis]. Moscow, 2013. 24 p. (In Russ.).
15. NKRJa = *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [National Corps of the Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru>, accessed 06.12.2019.
16. Roshchina Yu.V. *Projavlenija tendencii k analitizmu v sovremennoj russkoj morfologii* [Manifestations of the tendency to analyticism in modern Russian morphology. Thesis]. Moscow, 2005. 333 p. (In Russ.).
17. Rjabushkina S.V. Imja chislitel'noe i "jekspsansija nominativa" [Numerals and "expansion of the nominative"]. *Vestnik MGOU. Serija "Russkaja filologija"* [Bulletin of MGOU. Series "Russian Philology"], 2011, no. 4, pp. 41-46. (In Russ.).
18. Barkhudarov S.G. (chief ed.). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. No. 3. Moscow, 1976. 291 p. (In Russ.).
19. Barkhudarov S.G. (chief ed.). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. No. 5. Moscow, 1978. 295 p. (In Russ.).
20. Barkhudarov S.G. (chief ed.). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. No. 10. Moscow, 1983. 331 p. (In Russ.).
21. Barkhudarov S.G. (chief ed.). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. No. 15. Moscow, 1989. 290 p. (In Russ.).

22. Barkhudarov S.G. (chief ed.). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. No. 17. Moscow, 1991. 298 p. (In Russ.).
23. Barkhudarov S.G. (chief ed.). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. No. 18. Moscow, 1992. 290 p. (In Russ.).
24. Barkhudarov S.G. (chief ed.). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. No. 23. Moscow, 1996. 258 p. (In Russ.).
25. Stetsenko A.N. *Istoricheskij sintaksis russkogo jazyka* [The historical syntax of the Russian language]. Moscow, 1977. 352 p. (In Russ.).
26. Ferm L. *Variativnoe bespredložnoe glagol'noe upravlenie v russkom jazyke XVIII v.* [Variable verbal non-prepositional government in the Russian language of the XVIII century]. Huddinge, Södertörn, 2005. 371 p. (In Russ.).
27. Chulkova I.V. Sopostavitel'nyj analiz processov analitizacii v sovremennom russkom i nemeckom jazykakh [Comparative study of the processes of analysis in modern Russian and German]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija* [Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology], 2011, no. 3, pp. 176-185. (In Russ.).
28. Shvedova I.V. *Funkcionirovanie datel'nogo padezha v nemeckom i russkom jazykah* [The use of the dative case in German and Russian. Abstract of thesis]. Moscow, 2011. 175 p. (In Russ.).
29. Brandner A. Istoricheskie aspekty semantiki datel'nogo padezha [Historical aspects of the case semantics]. *Przeгляд Rusycystyczny* [Russian Review], 2006, no. 115, pp. 9-18. Available at: <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=556874>, accessed 06.12.2019. (In Russ.).
30. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1980.
31. Luraghi S. *On the Meaning of Prepositions and Cases*. Amsterdam & Philadelphia, J Benjamins, 2003.
32. MML = *Master Metaphor List*. Available at: <http://araw.mede.uic.edu/~alansz/metaphor/METAPHORLIST.pdf>, accessed 06.12.2019.